

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Бодлъръ и его творчество .	xi
Арсену Гуссэ .	xxxv
I. Чужестранецъ .	1
II. Горе старухи	2
III. Исповѣдь художника	3
IV. Шутникъ	5
V. Двойная комната	7
VI. У каждого своя химера	11
VII. Шутъ и Венера .	13
VIII. Собака и флаконъ	15
IX. Плохой стекольщикъ .	16
X. Въ часъ ночи .	21
XI. Женщина-звѣрь и капризная модница.	23
XII. Толпа	27
XIII. Вдовы	29
XIV. Старый паяцъ .	34
XV. Пирогъ	38
XVI. Часы .	42

	стр.
XVII. Полъ міра въ волосахъ твоихъ	44
XVIII. Приглашеніе къ путешествію	46
XIX. Игрушка бѣдняковъ	50
XX. Дари фей	53
XXI. Испушенія или Эросъ, Плутосъ и Слава.	57
XXII. Сумерки	63
XXIII. Одиночество .	66
XXIV. Планы .	68
XXV. Прекрасная Доротея	71
XXVI. Глаза бѣдняковъ	74
XXVII. Геройская смерть .	77
XXVIII. Фальшивая монета . .	84
XXIX. Великодушный игрокъ .	87
XXX. Вербка.	93
XXXI. Призванія	100
XXXII. Тирсъ. .	107
XXXIII. Опьяняйтесь	110
XXXIV. Уже!	111
XXXV. Окна .	113
XXXVI. Жажда возсозданія	115
XXXVII. Дары луны .	117
XXXVIII. Которая изъ двухъ настоящая?	119
XXXIX. Породистая лошадь	121
XL. Зеркало	123
XLI. Гавань	124

	СТР.
XLII. Портреты любовницъ.	125
XLIII. Галантный стрѣлокъ	133
XLIV. Супъ и облака .	135
XLV. Тиръ и кладбище	136
XLVI. Потеря ореола .	138
XLVII. Мадемуазель Бистурей .	140
XLVIII. Any where out of the world. — Куда угодно, только прочъ изъ этого міра! .	146
XLIX. Доканаемъ неимущихъ!	149
L. Славныя собаки. .	153
Эпиплогъ	160

БОДЛЭРЪ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

БОДЛЭРЪ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

I.

Произведенія Шарля Бодлэра до послѣдняго времени, не только въ Россіи, но и во Франціи, были достояніемъ лишь избранныхъ литературныхъ и художественныхъ круговъ. Сложная, болѣзненная, полная трагическиѣ противорѣчій душа поэта, отраженная съ безпощадной и утонченной правдивостью въ этихъ произведеніяхъ, могла быть понятна лишь немногимъ. Вышедшій еще при жизни его, въ 1857 г., сборникъ его стихотвореній, подъ оригинальнымъ и дерзкимъ для того времени заглавіемъ «Цвѣты зла», вызвалъ судебное преслѣдованіе со стороны правительства Наполеона III и произвелъ впечатлѣніе скандала. Блюстители традиціонной морали усмотрѣли въ этой книгѣ проповѣдь безиравственности, апологію зла. Представители академической литературы негодовали и недоумѣвали: поэтъ представлялъ собою въ ихъ глазахъ какую-то новую, непредусмотрѣнную ими разновидность литературной ереси. Романтикъ по своимъ вкусамъ, по характеру воображенія, влекущагося къ самымъ необыкновеннымъ темамъ и преобразующаго въ нѣчто фантастическое всякій клочекъ наблюденной дѣйствительности, Бодлэръ въ то же время ошеломлялъ смѣлостью своихъ лирическихъ признаній, вскрывающихъ человѣческую душу—его собственную человѣческую душу—въ ея самыхъ интимныхъ, жгучихъ и утонченныхъ ощущеніяхъ, въ наиболѣе удаленныхъ отъ сознанія центрахъ ея сла-

дострастной любви къ жизни, смѣняющейся отвращеніемъ къ жизни. Онъ поражаѣ своимъ стилемъ— «стилемъ декаданса», по выраженію Теофиля Готье,— передающимъ и тончайшія гармоніи, и кричащіе диссонансы человѣческихъ переживаній, иногда благородно-простымъ и деликатнымъ, иногда ярко-красочнымъ, чувственнымъ, экзотически-образнымъ, иногда логически-безпощаднымъ и ѣдкимъ, или парадоксальнымъ и кощунственно-дерзкимъ. И при всемъ томъ этотъ своеобразный поэтъ, этотъ предтеча декадентовъ проявляѣ необычайную требовательность къ себѣ въ своей художественной работѣ, любилъ строгую форму сонета и, какъ истинный классикъ, добивался безусловной точности каждаго слова, необыкновенной сжатости каждой фразы.

«Цвѣты зла» вызвали сенсацию, заставили наиболѣе значительныхъ и чуткихъ писателей-современниковъ признать Бодлера первокласснымъ мастеромъ, создали ему группу фанатическихъ приверженцевъ изъ литературной молодежи, но большая часть публики не поняла и не оцѣнила этой книги, въ которую поэтъ, по его собственному признанію въ одномъ изъ опубликованныхъ писемъ, «вложилъ все свое сердце, всю свою иѣжность, всю свою религіозность—въ замаскированномъ видѣ, всю свою ненависть».

Такова же была судьба его «Стихотвореній въ прозѣ», часть которыхъ еще при жизни его печаталась въ разныхъ журналахъ и газетахъ и которыя были оцѣнены во всемъ ихъ поэтическомъ значеніи лишь такими проникательными критиками, какъ Сентъ-Бёвъ.

Статьи Бодлэра объ искусствѣ — о живописи, музыкѣ и поэзи, составившія въ посмертномъ изданіи два тома, подъ названіемъ *Curiosités esthétiques* и *L'art romantique*, эти пзумительныя критическія статьи, полныя тончайшихъ замѣчаній и безсмертныхъ афоризмовъ о сущности искусства и художественнаго творчества, тоже не могли создать Бодлэру популярности. Острый, сильный и безпокойный умъ его, отвергающій все банальное, все, отмѣченное дешевымъ успѣхомъ, смотрѣлъ въ глубину всякой проблемы и на десятки лѣтъ опережалъ сужденія современниковъ. Истинный аристократъ въ своихъ непосредственныхъ художественныхъ вкусахъ, Бодлэръ-критикъ обходилъ презрительнымъ молчаніемъ самыхъ авторитетныхъ людей своего времени, — и, какъ неустанный искатель правды и красоты высшаго порядка, отмѣчалъ своимъ вниманіемъ геніевъ, одиноко борющихся за свои художественные методы и идеи. Тогда безпощадный и ядовитый судья превращался въ страстнаго защитника, въ фанатическаго приверженца, въ преданнаго и великодушнаго друга гонимыхъ или незамѣченныхъ толпой. Онъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ оцѣнилъ значеніе Рихарда Вагнера, и его статья о Тангейзерѣ явилась для творца новой музыкальной драмы, по его собственному свидѣтельству въ письмѣ къ Бодлэру, высшей отрадой и лучшимъ ободреніемъ въ этотъ первый періодъ его творческой работы и борьбы. По нѣсколькимъ небольшимъ новелламъ, Бодлэръ сразу угадалъ всю глубину родственнаго ему таланта Эдгара Поэ, еще совершенно неизвѣстнаго тогда въ Ев-

ропѣ, и своими безподобными переводами и своими проникновенными статьями сдѣлалъ его произведенія достояніемъ европейской литературы. Въ замѣткахъ о живописи онъ прославлялъ Делакруа, на котораго со всѣхъ сторонъ сыпались ожесточенныя нападки, страстно защищалъ оплеваннаго критикой Эдуарда Манэ, раскрывалъ значеніе не оцѣненныхъ до него гениальныхъ рисунковъ Домье.

Но чѣмъ острѣе былъ его взглядъ, чѣмъ смѣлѣе выдвигалъ онъ осмѣянныхъ современниками людей будущаго, чѣмъ суровѣе судилъ объ эфемерныхъ увлеченіяхъ своей эпохи,—тѣмъ непонятнѣе, тѣмъ непріятнѣе былъ онъ для буржуазной толпы и для банальной критики, создающей репутацію писателя.

Къ тому же его мысль, точно также какъ его поэтическое воображеніе, постоянно возвращалась къ самымъ рискованнымъ темамъ: ее манили неизслѣдимыя пропасти порока, первозданнаго зла и патологическихъ влеченій человѣческой души. Въ яркихъ, волнующихъ словахъ описывалъ онъ, въ своихъ этюдахъ о дѣйствіи гашиша и опія, соблазны искусственныхъ упоеній, — и читатели были несклонны вѣрить искренности того суроваго приговора, какой онъ выносилъ этимъ разслабляющимъ волю опытамъ: они чувствовали, что поэтъ самъ не миновалъ этихъ искушеній, но той борьбы, которая разыгрывалась на этой почвѣ въ его душѣ, они не угадывали.

Жизнь его прервалась слишкомъ рано, и наиболѣе глубокія его мысли, самые значительные изъ его художественныхъ плановъ, въ томъ числѣ потрясающій своей силой, простотой и психологической глубиной

замыселъ драмы «Пьяница», сохранились лишь въ бѣглыхъ наброскахъ. И надъ могилою непонятаго поэта, изъ разсказовъ друзей о его склонности ко всякимъ мистификаціямъ и непровѣренныхъ слуховъ о его высокоумномъ характерѣ и замкнутой жизни, стала слагаться легенда, еще болѣе отчуждающая отъ него простодушную публику.

Самые портреты его вызывали и вызываютъ въ душѣ какое то недовѣрчивое и опасливое ощущеніе. Большіе темные глаза съ сверлящимъ, испытующимъ взглядомъ, огромный умный лобъ, чувственное выраженіе ноздрей и большого рта съ иронически сжатыми, сладострастно смѣющимися губами. Жуткая и притягательная сила чувствуется въ этомъ загадочномъ лицѣ, какъ и въ произведеніяхъ Бодлэра, но что-то стоитъ между поэтомъ и «непосвященнымъ» читателемъ: «Боязнь разыграть простака предъ лицомъ этого презрительнаго генія мѣшаетъ полному преклоненію передъ нимъ», говоритъ о немъ Поль Бурже въ своихъ *Essais de psychologie contemporaine*, выражая этимъ чувства публики и многихъ представителей литературы.

Но проходятъ годы и десятилѣтія, литература разныхъ европейскихъ странъ глубже вскрываетъ природу человѣка со всеми антиноміями его души и разума, и общество смѣлѣе заглядываетъ въ лицо всякой психологической правдѣ. Послѣ Достоевскаго, съ одной стороны, послѣ Ницше, послѣ Уайльда, послѣ декадентовъ, съ другой стороны, — Бодлэръ уже не кажется страшнымъ даже и заурядному, плохо понимающему его читателю. И болѣе того: для нѣкоторыхъ кру-